

Ли Чуньхуа нашла это забавным и рассмеялась, очень искренне, наставляя:

— Смотри, ты совсем не разбираешься, как ты один в городе сможешь о себе заботиться? Кто будет думать о тебе, когда ты голоден или замерз? Лучше оставайся в деревне, я буду за тобой ухаживать, тебе нужно только учиться... Если не хочешь учиться, учись работать в поле, я думаю, Бай Сяоюэ подходит, она хорошо справляется и с домашними делами, и с работой в поле, а у нее только мать, не будет никаких надоедливых родственников...

— Булочки готовы, — Шэнь Су протянул ей поджаренную булочку.

Ли Чуньхуа, видя его недовольное выражение лица, вовремя замолчала, взяла булочку, откусила кусок и задумалась. Ведь она сама решает, с кем жениться ее сын? Позже она спросит Бянь Ли, что она думает, сначала она сама поговорит с ней, чтобы они не могли на нее давить. Землю нужно вернуть, пусть они станут примером.

Шэнь Су не обращал внимания на мысли Ли Чуньхуа, главное, что она ела булочку. Затем он встал, закрыл дверь и запер ее снаружи, так что открыть ее можно было только снаружи. Это было придумано еще при жизни Старейшины Шэнь, чтобы наказывать Шэнь Су, когда тот шалил.

Увидев, что Шэнь Су плотно закрыл дверь, Ли Чуньхуа удивилась:

— Су, зачем ты запер дверь? В комнате душно, угли горят слишком сильно.

— Да, я специально.

Шэнь Су, не меняя выражения лица, щипцами брал раскаленные угли и бросал их на кучу углей в спальне, вскоре комната наполнилась дымом.

Ли Чуньхуа закашлялась, ей стало трудно дышать:

— Су, что ты делаешь? Открой дверь, так можно задохнуться! И столько углей, жарко до смерти.

Шэнь Су не обращал на нее внимания, продолжая бросать угли в кучу. Ли Чуньхуа, все больше паникуя, пыталась отобрать у него щипцы, но она была уже старухой, и Шэнь Су легко уклонялся.

— Неблагодарный сын, что ты делаешь? Ты хочешь задушить свою мать? — Ли Чуньхуа, задыхаясь от усилий, дрожала от гнева, ее голос сорвался.

Шэнь Су сел на пол рядом с котлом, поднял взгляд на Ли Чуньхуа, его глаза были чистыми, но в них читалась ледяная холодность. Он протянул ей еще одну булочку, спокойно сказав:

— Еще одна, съешь, чтобы отправиться в путь.

— Что?! — Ли Чуньхуа, в гневе и ужасе, шлепнула булочку, бросилась к двери и только тогда поняла, что дверь заперта снаружи и не открывается.

— Мама, ты забыла? Этот замок, который нельзя открыть изнутри, ты сама с папой придумала. Тогда ты несколько раз проверяла, чтобы убедиться, что он не открывается, и только потом установила его на дверь.

Ли Чуньхуа вспомнила, и теперь, услышав это, она поняла, что Шэнь Су винит ее, и сразу же

возразила:

— Твой отец хотел, чтобы ты хорошо учился, а ты все время убегал с Бай Ломэем, этим несчастливым человеком. Если бы я не заперла тебя, разве ты бы сейчас стал учителем? Ты бы уже умер, как и его отец и мать, у них была тяжелая судьба, а ты, маленький ребенок, разве бы прожил долго? Я делала это для твоего же блага, а ты теперь винишь меня?

Шэнь Су действительно не знал, что это было из-за этого. Он всегда думал, что его запирали, потому что он не учился, и Старейшина Шэнь злился. Теперь, подумав, он понял, что был наивен. Старейшина Шэнь, хотя и хотел, чтобы он стал чиновником, всегда был снисходителен, боясь, что он станет книжным червем и не сможет быть хорошим чиновником, попав под влияние коррумпированных чиновников.

— Мама, я помню, что папа никогда не был против моих встреч с Чёрным Тофу, почему ты решила запереть меня? Не говори, что Чёрный Тофу несчастливый, что он губит родителей, мой отец не верил в это.

Говоря об этом, Ли Чуньхуа загордилась. Она была простодушной, всего лишь деревенской женщиной, сбежавшей в деревню Бай, с небольшими уловками, чтобы забраться в постель Старейшины Шэнь и получить титул госпожи Шэнь, но в душе она оставалась деревенской женщиной, испорченной глухой провинцией. Не то чтобы деревня была плохой, или глухая провинция была плохой, но бедность порождает злых женщин, и Шэнь Су часто удивлялся, почему так происходит.

В общем, Ли Чуньхуа временно отложила мысли о побеге и с гордостью похвасталась Шэнь Су:

— Твой отец не вмешивался в твое обучение, но он боялся, что ты, общаясь с деревенскими детьми, перенимаешь плохие привычки. Я сказала твоему отцу, что парень из семьи Бай водит тебя воровать кур и красть деньги из дома, разве твой отец мог не вмешаться? Он слушал меня. Когда обнаружилось, я сказала, что забыла, куда положила деньги, и подумала, что ты взял их, когда заходил в комнату. А про парня из семьи Бай, я слышала слухи в деревне, разве я должна была игнорировать их?

Шэнь Су нашел это забавным. Теперь понятно, почему тогда Старейшина Шэнь стал так внимательно следить за ним, странно смотрел на Бай Ломэя и несколько раз запирали его, а потом вдруг перестал. Видимо, он понял, что Ли Чуньхуа лжет. К счастью, Старейшина Шэнь всегда считал, что человека можно исправить, иначе Бай Ломэя, вероятно, выгнали бы из школы.

В комнате было много углей, и дым становился все гуще. Шэнь Су уже чувствовал тяжесть в груди, а Ли Чуньхуа, хоть и медленно, но тоже поняла, что происходит, и закричала:

— Есть кто-нибудь? Помогите... Спасите...

Ее слова заглушил Шэнь Су, который резко закрыл ей рот рукой:

— Мама, успокойся, не мешай всем спать. Твои крики бесполезны, после всего, что произошло, никто тебе не поверит. Лучше спокойно посиди, пойдём вместе к папе, хорошо?

— У-у-у... мм...

Ли Чуньхуа изо всех сил пыталась оторвать руку Шэнь Су от своего рта, царапая его ногтями, но он крепко держал ее, не отпуская.

Шэнь Су сказал:

— Мама, ты говорила, что я бросил тебя и был неблагодарен, так я возьму тебя с собой. Ты хотела остаться у могилы папы, но это так грустно, мы пойдем к нему вместе, воссоединимся всей семьей. Кстати, дядя Да Ли, наверное, тоже ждет нас внизу, мама, что ты думаешь?

Ли Чуньхуа действительно испугалась, качая головой и плача.

Угли в спальне горели все сильнее, жара была невыносимой.

Шэнь Су почувствовал головокружение, непроизвольно ослабил хватку на рту Ли Чуньхуа, и она, воспользовавшись моментом, толкнула его. Он упал на пол, задыхаясь, не мог встать, вероятно, скоро умрет. Ли Чуньхуа была не лучше, толкнув его, она пошатнулась к двери и ударилась о нее, слабо стуча в нее. В комнате было много углей, они горели недолго, но воздух был сухим, ее горло пересохло, она больше не могла кричать, издавая только слабые звуки.

Была глубокая ночь, и после всего, что произошло, Ли Чуньхуа наконец поняла, что Шэнь Су был прав, никто не услышит, даже если услышат, не придут.

— Су, кричи, открой дверь... — Ли Чуньхуа бросилась на Шэнь Су. — Что ты делаешь, разве все не было хорошо? А? Разве не было? Почему ты решил, что нельзя больше жить, и хочешь забрать меня с собой?

Шэнь Су с трудом открыл глаза, глядя на жалкую Ли Чуньхуа, он был и рад, и грустен:

— Мама, не я не хочу жить, это ты не хочешь, чтобы я жил.

— Ты мой сын, как я могу не хотеть, чтобы ты жил, — Ли Чуньхуа сразу же возразила.

Шэнь Су покачал головой, в комнате было слишком душно, его движения замедлились, он с трудом перевел дыхание и сказал:

— Мама, что хорошего в деревне Бай? Кто-то занимает нашу землю, и мы не можем прокормиться. Кто-то не хочет платить за обучение даже куском мяса, но хочет, чтобы я вырастил ученого... А те дети, которых я учил, с тех пор, как они начали ходить, до того, как они пошли на экзамены, что они сделали? Они позволяли своим отцам и дядям обижать меня, они прятались в домах, не подавая и вида... Я долго думал, что хорошего в деревне Бай? Мама, ты даже умереть не хочешь отсюда уйти. Мама, убить свою мать — это уже великое преступление, но я не боюсь сказать еще одну неблагодарную вещь: разве в деревне Бай скрываются тысячи дядей Да Ли?

Лицо Ли Чуньхуа, покрасневшее от духоты, резко побледнело, затем посинело от гнева.

<http://bllate.org/book/16447/1491317>